

МАРИЯ КОМИССАРОВА

Родилась в 1992 году в с. Атирка Тарского района. Живёт в Таре.

В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

ВМЕСТЕ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

«Только разве на память навесишь амбарный замок?...» – задаётся риторическим вопросом Леонид Николаевич Чашечников в одном из своих стихотворений с названием «Память». Каждый знает ответ: никакой замок не спасёт и не заставит забыть события минувших лет. История страны пишется из воспоминаний, окрашенных в разные цвета. Где-то – радость, и всё вокруг заливаётся солнечным светом, а в противоположной стороне – боль и слёзы, тучи сгущаются над головой, вокруг только серые тона.

«Грех завидовать счастью и ставить помкам в вину то, чего не успел, не узнал, не увидел», – мудро подчёркивает поэт. Я не застала войны, времён раскулачивания и ссылок, я лишь точно знаю, что должна чтить историю. Ведь повторяется всё то, что предается забвению. Живя в Тарском районе, я всё чаще думаю о том, сколько страданий всей страны вобрали в себя эти места. Здесь суровый климат, удалённость от столичного города, отсутствие дорог, съезд летом и крепкие морозы зимой – точка на карте, о которой многие сегодня не знают. Не слышали о той жестокости по отношению к мужчинам, женщинам и грудным детям, которой пропитаны эти земли. Могу сказать «спасибо» своему деду, его любви к истории края и всей страны. Я выросла, «шагая» по географическим картам государства, нашей области и района, изучая изгибы рек, пути ссылок, читая страшные истории свидетелей и выживших.

Кулай... Чужая музыка звучит в слове. Холодная, неприветливая. Кулай – остров среди Васюганских болот.

Об этой поездке я мечтала давно, представляла до мелочей. Этот момент стал подарком, совпав с днём моего рождения. Готовилась основательно, хотя давно известно, что зимой туда добраться несложно. Зимник проложен, для многих – самое время для работы. Главное – не забыть цветы, хотя бы так почтить память тех, кто остался там навсегда.

Мечтала, как вместе с супругом будем ехать, солнце будет слепить глаза, а снежные поля переливаться за окном. Оказалось с точностью наоборот: хмурое небо, колючий ветер с дождём, за бортом ноль градусов. Одна мысль в голове: «Чтобы прочувствовать!» В машине тепло, ехали не спеша, минуты наедине как подарок.

Первая остановка «на чай» сразу после села Мартюшево – поле в деревне Ивановка. Для завтрака на свежем воздухе место в такую погоду выбрали не лучшее – пасмурно, ветрено, продувает со всех сторон. Греют горячий напиток и мысль о том, что ждёт впереди. Ровные снежные берега по обе стороны от дороги, а немного позади одинокая старая лиственница – символ вечности, последняя жительница этой деревни. Видела она многое: и боль ссыльных, и горящие глаза различных экспедиций.

Путь между заросшими деревьями охраняют сосны и ели высотой будто до неба. Спустя 60 километров открывается глухариный край – Васисс. Раньше жизнь здесь была ключом, сейчас несколько улиц и много заброшенных домов, люди ещё живут. С мужем говорим на разные темы – от его работы до моих мечтаний, много смеёмся, но красной нитью тянется мысль о том, что видели эти земли, сколько порушенных судеб, семей. Виды за окном не дают надолго убрать фотокамеру в сторону, хочется запомнить всё. Успеваю запечатлеть огромного филина, сидящего на столбе. Зорко посмотрел и тут же, расправив широкие крылья, направился в берёзовую рощу. Он знает: охотник здесь теперь – гость нередкий.

Заветная точка – последняя населённая деревня, где ночевали спецпоселенцы. Большая земля – так это место называет мой муж и сегодня. Речь о Петровке. А перед ней знак, говорящий: «Проезд без спецпропуска запрещён». Теперь тут Крапивинское месторождение, работа кипит. Я, закрыв глаза, на миг представляю обозы с людьми, плачущими детьми, чувствую страх, смотря на дорогу вперёд – туда, на «конец земли». Минуем указатель, держим путь на Кулай, к поклонному кресту.

Кулай – в переводе «острый нож». Власть знала: надёжнее места для ссылки не найти, болота охраняют территорию лучше любого надзирателя или колючей проволоки. Люди шли на страшную смерть с одной задачей – поставить здесь поселение. И ведь поставили. Те, кто оказался сильнее и духом и телом, смогли на крови своих семей, на костях, сквозь слёзы и болезни обжиться, разработать поля, построить дома в сплошном океане болот. Валили лес, строили шалаши, кострами грели землю, рыли в ней норы. Всего сформировали 21 посёлок. А в настоящее время тут нет ничего, даже кладбища уже не найти, лишь лес шумит и ветер воет.

Жители Петровки знали, что там, куда идут обозы, жизни нет и не было никогда. Людей жалели и даже помогали, за что несли жестокое наказание.

Здесь, где сейчас я с комфортом еду и рассуждаю о прошлом, в те страшные времена пешком по топи пытались бежать матери и дети, целые семьи. Болото не жалело никого. Сходили с ума, тонули, а тех, кто всё же смог выбраться из этого кольца смерти, ловили и снова завозили ещё дальше. Трудовой посёлок Кулай существовал 18 лет.

Подъезжая к намеченному месту, сбавляем скорость, чтобы налюбоваться высокими тёмными елями, проезжаем оставшуюся на зимовку технику, новые указательные знаки, отмеряющие километры до нефтяного месторождения. На душе становится всё тяжелее. Позади сто километров, знаю, что

совсем скоро, за поворотом справа, увижу тот самый крест. Я о нём читала и слышала, видела множество фотографий, но всё равно боялась встретиться лично.

Ещё несколько метров, очередной большегруз навстречу, как вдруг перед нами он, одинокий, во всей красе и величии – поклонный крест на возвышенности у края Васюганских болот. Онемела и даже растерялась – понимаю, вот она, та самая долгожданная встреча, которую я так тщательно рисовала себе в голове.

Не могу найти слов лучше, чем Сергей Николаевич Прокопьев, автор книги о спецпоселении: «От Креста исходило тревожное чувство, будто вобрал в себя всю боль Кулая, но удержать не смог, она сочилась скорбью из железа и бетона, уходила во все стороны, давила тяжестью, проникала в сердце тревогой, заставляла думать о тех, кто лишь в одну сторону прошёл мимо этого места, и тех, кто покинул Кулай с обожжённой душой». Я чувствовала это давление всем телом, испытывая огромную благодарность за возможность знать и видеть, за шанс жить в сегодняшнем дне.

Сделала несколько снимков на память, а потом попросила супруга оставить меня наедине с собой, с этим местом. Возложила цветы, очистив камень у подножия креста, прочла: «Дань потомков вере и памяти жертв Кулая». Восемь метров высоты, имя проклятого места высечено будто большим ножом на бетонном кресте, и огромный венец из железа, символизирующий ту самую колючую проволоку, которую собой заменили непроходимые болота. Слёзы текут сами собой.

Говорю с небом, а вокруг – множество людей, разных, несчастных, измученных, все идут мимо. О них я читала и смотрела интервью с теми, кто выжил, кто, несмотря на боль от воспоминаний, смог рассказать о том, что им пришлось испытать. Чудом выжившие в спецлагере иначе, как адом, это место не называют. Репрессированная

Степанида Палеева, не сдерживая слёз, в фильме о ссылке на Кулай говорит: «Это ужас какой-то, это кошмар, это такая была жестокость. Не хватает слов, чтобы описать то, что я пережила и как люди там страдали». Стою и будто смотрю всем им вслед, а там страшно – пасмурный день добавил в картину серых красок. Дальше нет высокого леса, широколапых тёмных елей, дальше карликовые сосны и кочки, бесконечные кочки. Даже снег не может выровнять эти рельефы. Я знала, что впереди ещё примерно 40 километров, именно там была комендатура, так называемая база (там сегодня стоит охотничий дом), и было кладбище. Была уверена, мы поедem и туда, но, пройдя немного дальше, по болоту, наступая на эти бугры, раскапывая листья черничника и смотря внимательнее вдаль, я отказалась, не захотела. Видела ту широкую тёмную полосу на небе, в ней исчезли и все те, кого я недавно видела.

Рассматривали сосны, которым больше ста лет, а высотой они чуть выше меня (а я от земли поднялась на 172 сантиметра), высохшие, будто давит на них что-то невидимое сверху. Упала глубоко в снег, а над головой бесконечно грустное небо. Лежала, пыталась услышать то, чего не скажет ни одна книга, увидеть то, чего уже нет и не будет на этом месте. Вышла на дорогу, смогла расправить руки и громко-громко закричать. Ведь моя поездка вобрала в себя всё: интерес к истории, память о бабушке, любопытство, усталость, тревогу и печаль, уважение и непонимание. Всё это уместилось в нескольких залиvistых криках в небо. Там на Кулае и осталось. Стоять на болоте, представлять картины того времени невероятно тяжело и страшно. Но, находясь на этом месте (вернись в начало своего повествования), отчётливо понимаешь – грех завидовать счастью, ведь его цена может быть слишком высока. Счастье может стоить разрушенной жизни и боли, оставшейся внутри навсегда.

Крест покорила своим могуществом и одиночеством. А дорога к нему – не просто лес, не просто сугробы или болота для экстремальных экспедиций, как в настоящее время может сказать любой житель Тары и Омской области. Здесь – история нашей огромной страны, вмещающая в себе десятки тысяч израненных судеб. История, которую хотели скрыть, но не смогли. Это то, что мы должны помнить. Кулай – остров боли, мужества и несвободы, край земли, на котором мы были вместе.